

ПОДВИГ ВО ИМЯ ЖИЗНИ

«То, что сделано военной медициной в годы минувшей войны, по всей справедливости может быть названо подвигом. Для нас, ветеранов Великой Отечественной войны, образ военного медика остается олицетворением высокого гуманизма, мужества и самоотверженности».

**Маршал Советского Союза
И.Х. Баграмян**

Большая война – это всегда колоссальные жертвы. Но потери Советского Союза в Великой Отечественной войне могли быть куда более масштабными, если бы не самоотверженная работа людей, боровшихся за жизни воинов. В 1941–1945 годах врачи, фельдшеры, медсестры и санитары поставили на ноги около 17 миллионов солдат и офицеров Красной армии – более 70 процентов раненых возвратились в строй.

На долю военных медиков выпало испытаний не меньше, чем солдатам на фронте. И рисковали жизнью они наравне с боевыми товарищами. Так, в первый год войны почти 50% находившихся на передовой мест оказания медицинской помощи – медсанбатов, военных госпиталей, санитарных поездов – было разрушено бомбежками и обстрелами. Всего же за годы войны погибли более 12,5% из 700 тысяч военных медиков.

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

Военно-медицинская служба, как и вся армия, вступила в войну в условиях ее внезапного начала. Большая часть армейской медицинской базы находилась в западных районах, и перевести ее на штаты военного времени просто не успели. Не успели и вывезти значительные запасы медикаментов, хирургических инструментов, перевязочного материала, сосредоточенные в приграничных округах. Медслужба пошла на значительные кадровые потери. И все неотложные организационные мероприятия пришлось решать в ходе боевых действий, при хаотичном массовом отступлении наших войск.

В первые месяцы войны было мобилизовано более 10 тысяч гражданских врачей. Однако привычная работа в условиях клиники сильно отличалась от условий труда в полевых госпиталях. У медиков не было опыта работы с огнестрельными и осколочными ранениями. Крайне не хватало хирургов. Порой на все хирургическое отделение приходилось по 1–2 опытных хирурга. Врачи других специальностей перечислялись – нередко прямо на поле боя... Для девушек, не имеющих медицинского образования, были организованы краткосрочные курсы медсестер.

За период 1941–1945 годов высшие учебные заведения страны подготовили и направили в действующую армию свыше 65 тысяч врачей. Из запаса было призвано 80 тысяч.

Благодаря нарабатываемому опыту ежесуточно в строй возвращалась ни много ни мало – целая дивизия (5 тысяч и более человек).

А еще был такой приказ Георгия Жукова: «Раненых на поле боя не оставлять!» – и не оставили, делая для этого всё, что могли, и даже больше! Ведь как выносили раненых с поля боя? На плащ-палатках, на собственных плечах, ползком, под бомбежкой, пулеметным и артиллерийским огнем. И первую помощь истекающим кровью оказывали чаще всего под обстрелом. Это ли не подвиг, в особенности если учесть, что почти половина санитаров и санинструкторов были женщинами! Многие из них были еще совсем юными, а в ряде случаев специально приписывали себе возраст, чтобы добиться призыва. И каждый боец и командир в бою знал, что рядом «сестрица», бесстрашный человек, который окажет первую помощь в любых услови-

ях, вынесет на себе в укрытие, спрячет от бомбежки в пути.

И этот труд был приравнен к боевому подвигу. В приказе Наркома обороны от 23 августа 1941 года говорилось: представлять каждого санитаря и носильщика к правительственной награде: за вынос с поля боя 15 раненых с их оружием – медалью «За боевые заслуги» или «За отвагу», за 25 раненых – орденом Красной Звезды, за 40 раненых – орденом Красного Знамени, за 80 раненых – орденом Ленина.

Подвигом был и труд врачей, медсестер, санитаров, работающих в госпиталях. Полевые госпитали, как правило, располагались в палатках в лесу, в зем-

и во многом неизвестному подвигу врачей, медсестер, санитаров и других медицинских работников удалось спасти жизни очень и очень многих раненых. Многие медработники, сами находясь в плену, продолжали выполнять свой служебный долг – лечили больных и раненых, возвращали их к жизни.

Ситуация в начале октября 1941 года на вяземском направлении была очень тяжелой. Чтобы понять и почувствовать, как проходила работа по эвакуации, сортировке, лечению раненых и отправке их в тыл, обратимся к воспоминаниям главного врача сортировочно-эвакуационного госпиталя Западного фронта № 290 Вильяма Ефимовича Гиллера.

лянках, операции могли проводиться под открытым небом. Хирурги работали до 16 часов в день. При большом потоке раненых могли оперировать двое суток без сна. Во время ожесточенных боев в полевой госпиталь ежедневно поступало около 500 раненых. Неустанно трудиться приходилось также медсестрам и санитаркам как в полевых, так и в тыловых госпиталях – помощь в операциях, уход за ранеными, перевязки, уколы, раздача лекарств, бессонные дежурства... И благодаря их самоотверженности удавалось выхаживать самых, казалось бы, безнадежных.

Увы, в одной газетной статье сложно описать весь этот титанический труд, все подвиги, совершенные медиками в дни Великой Отечественной войны. И, конечно, невозможно назвать их всех поименно. Поэтому сегодня мы остановимся лишь на нескольких моментах, непосредственно касающихся Смоленщины.

В ВЯЗЕМСКОМ КОТЛЕ

В архиве Игоря Геннадьевича Михайлова, заведующего музеем «Богородицкое поле» – филиала музея-заповедника «Хмелита», активного участника поискового движения, хранится письмо красноармейца Александра Ивановича Дуликина к военврачу санитарной роты Алексею Сергеевичу Шубину: «...благодаря Вам и только Вам я остался жив и вернулся домой к своей семье, к своим детям».

«Подобные слова, наверное, могли бы написать сотни и даже тысячи бывших раненых бойцов и командиров Красной Армии, оказавшихся по воле обстоятельств на оккупированной территории после завершения Вяземской оборонительной операции в октябре 1941 года, – рассказывает Игорь Михайлов. – А ведь до сих пор точно не удается установить, сколько госпиталей и медсанбатов оказалось в окружении под Вязмой, сколько раненых бойцов и командиров осталось в тылу немецких войск. Их участь была очень тяжелой. По существу, все они были обречены на смерть от ран, болезней и голода. И только благодаря самоотверженному

2 октября: «...слухи, доходявшие до нас через раненых, свидетельствовали о том, что на фронте идут небывалые тяжелые бои. Двор госпиталя снова не мог вместить прибывающие машины. Опять переполненные ранеными поезда стали поступать в беспорядке...» 3 октября: «...раненых у нас сейчас уже перевалило за четыре тысячи человек, а их всё везут и везут...» 4 октября: «...в госпитале около пяти тысяч раненых... К счастью, железная дорога продолжала функционировать, несмотря на обстрел и бомбежку, и мы бесперебойно принимали и отправляли поезда... Ночью наплыв раненых был так велик, что никто в нашем госпитале не ложился спать. Прибывших клали вперемежку, не считаясь с профилем палат, думая лишь о том, чтобы спасти человека, вырвать его из смерти...» «Настало утро 5-го... Между тем, к нам прибыли под погрузку два санитарных поезда. Правда составлены они были не из классных, а из порожних товарных вагонов, которые специально пришлось оборудовать нарами, но и это было событием!» «Следующий санитарный поезд грузили также быстро, под непрерывным обстрелом. 5 октября мы отправили еще полторы тысячи человек». 6 октября: «После полудня в госпиталь пришел комендант станции и обрадовал нас сообщением, что вражеский десант на станции Мещерская истреблен и нам подадут под погрузку еще одну сборную санитарную «летучку» из тридцати девяти товарных вагонов... К шести часам вечера нам удалось собрать и усадить почти всех. Но радость оказалась преждевременной. Началась бомбежка. Прямым попаданием были разбиты паровоз и два вагона... около трехсот раненых мы отправили в Можайск... Это тяжелое время к нам на территорию въехал полевой подвижной хирургический госпиталь... Побродив двое суток по лесам и прощелкам, госпиталь вырвался к Вязме. Работы у нас было много, и приехавшие товарищи быстро включились в нее. А тут на нескольких машинах прибыл еще один полевой госпиталь».

В этот день в госпитале (вместе с вновь прибывшими госпиталями) еще

оставалось около 3,5 тысячи человек. Около тысячи легкораненых было отправлено пешком в обход автотрассы в сторону Гжатска: «Забегая вперед скажу, что наших раненых вывел Валентин Аркадьевич Дибров без больших потерь. Мало того, по дороге он подобрал еще несколько десятков человек, оказал всем помощь и привел в Гжатск». И наконец, последняя цитата: «Поздно ночью с территории госпиталя тронулся последний эшелон с людьми и имуществом». Таким образом, с 2 по 6 октября 1941 года СЭГ-290 принял и эвакуировал в тыл не менее десяти тысяч человек. Были эвакуированы не только раненые, но и документы госпиталя.

По-разному складывалась судьба тех, кто был эвакуирован в тыл из Вязмы, Семлево, Дорогобужа, Алферово, Издешково. Последние поезда не просто подвергались налетам вражеской авиации, но и попадали под обстрел вышедших в глубокий советский тыл немецких танков.

Судьбы же раненых, находившихся в госпиталях и медсанбатах, оказавшихся во вражеском тылу, были чаще всего тяжелыми и трагическими. По существу, раненые и медперсонал были брошены на произвол судьбы – такова была жестокость реальности тех дней.

Вот как об этом писал в своих мемуарах генерал-майор П.А. Белов: «Во время осенних боев под Вязмой попало в окружение несколько советских госпиталей. Врачи, фельдшеры, медицинские сестры не бросили раненых красноармейцев и командиров на произвол судьбы, укрыли их в деревнях. Больше того, врачи, отбившиеся от своих частей, по собственной инициативе создавали в тылу врага импровизированные госпитали для больных и раненых бойцов, оказавшихся в окружении. В труднейших условиях, не имея медикаментов и инструментов, постоянно рискуя своей жизнью, они продолжали оказывать людям необходимую помощь». Появление в тылу врага регулярных советских частей вернуло раненым надежду на спасение и возможность вернуться в строй.

Отдельная тема в спасении раненых на оккупированной территории – это подвиг местных жителей, укрывавших у себя нуждавшихся в лечении красноармейцев. В нашем распоряжении, продолжает рассказ Игорь Михайлов, есть огромный массив документов и воспоминаний, в которых приводятся свидетельства о подлинном героизме местных жителей по спасению раненых и больных воинов Красной Армии.

Вот лишь один из фактов. В деревне Ризское Вяземского района в начале 2000-х годов жители установили несколько мемориальных плит. На одной из них увековечено имя простой крестьянки Прасковьи Захаровны Каретниковой, которая в октябре 1941 года укрывала у себя в доме 14 раненых красноармейцев. Всех их Прасковья Захаровна выхаживала, большинство из них после выздоровления ушли на восток, для того чтобы перейти линию фронта и вернуться в свои части.

На оккупированной территории возникло несколько подпольных госпиталей, где к спасению раненых подключились местные медработники, жители, оставшиеся в окружении враги. Одним из наиболее известных таких госпиталей стал госпиталь в деревне Хватов-Завод, организованный местным фельдшером Акимом Никоновичем Васильевым. Все члены семьи Аким Никоновича (жена, дочь, два сына) и несколько местных девушек совершили беспримерный подвиг, создав на базе фельдшерского пункта госпиталь, в котором лечились около 700 человек. С риском для жизни персонал госпиталя лечил раненых, добывал для них медикаменты и продукты. За спасение раненых и помощь партизанам в августе 1942 года фашистские каратели расстреляли А.Н. Васильева. Еще раньше зимой 1942 года по доносу предателя была зверски замучена жена Аким Никоновича, как ее называ-

ли сами раненые, «мать госпиталя» Анастасия Ивановна Васильева. В 1943 году Аким Никонович Васильев был посмертно награжден медалью «Партизану Отечественной войны 1-й степени».

Вообще же малоизвестная страница Вяземской оборонительной операции – подвиг врачей, других медработников и местного населения Смоленской области, спасших тысячи раненых после завершения октябрьских боев под Вязмой и Ельней, – еще ждет серьезного изучения, а сотни неизвестных героев не увековечены до сих пор».

ДАВАЙТЕ ПОМНИТЬ!

Вот еще несколько имен медработников, самоотверженно, не щадя жизни, исполнявших свой долг во имя свободы нашей Родины.

Санитарструктор 3-го стрелкового батальона 730-го стрелкового полка 204-й стрелковой дивизии **Ксения Константинова**.

В конце сентября 1943 года погибла под Рудней, прикрывая отход тяжело-раненных бойцов. 18-летняя старшина медицинской службы приняла неравный бой с отрядом противника, отстреливаясь до последнего патрона, была ранена, схвачена врагами и зверски замучена.

Санитарструктор эвакуационной ГО-ПЗП № 167 эфрейтор медицинской службы **Лёля Добенкова**.

Поток раненых из-под Велижа направлялся в лечебное учреждение вблизи станции Ильино. Медки работали круглосуточно. Молодежная Леля ответила приехавшему в госпиталь генералу: «Я не устаю, наши бойцы воюют – и нам не время уставать. И я не одна, у нас все такие».

Санитарструктор **Людмила Львовна Вязовская**, гвардии старшина, донор крови, работу по медицинской специальности сочетала с боевыми действиями, ходила в разведку в составе боевых групп. В боях за Велиж 9 сентября 1943 года она первой ворвалась во вражескую траншею, обезоружила и взяла в плен 2 гитлеровцев: солдата и офицера. Офицер был обезврежен, когда позже увидел молодую красивую девушку, пленившую их.

Михаил Михайлович Лиллов, уроженец Вязьмы, военврач 2-го ранга, был начальником госпиталя под Смоленском. С началом войны госпиталь переехал в деревню Шокино Кардымовского района, затем в Ярцевский район, в деревню Шестаково, где он оказался с более 40 тяжело ранеными в самой гуще битвы за Соловьеву переправу. Под командованием М.М. Лилова сотрудниками госпиталя чудом удалось вывести людей из «кровавого Днепровского месива».

Уроженка Рославля **Феофания Георгиевна Индиксон (Добрынина)** перед войной закончила курсы медицинских сестер Красного Креста, добровольцем служила в эвакуационном № 3167 в Рославле палатной медицинской сестрой в звании рядовой. Продолжала службу в госпитале № 1151 Кировской области, затем была направлена в Рославль для организации совместно с майором медицинской службы **Лаврушиным** нового госпиталя № 3727. «С нуля» организовывали перевязочные, операционные, кожный фонд. Работала палатной, затем операционной медицинской сестрой вплоть до закрытия госпиталя.

Нельзя не вспомнить и о том, что Смоленский медицинский институт обеспечивал фронт врачами – как молодыми выпускниками (21-й выпуск врачей состоялся в июне 1941 года), так и опытными кадрами из числа профессорско-преподавательского состава.

На различных фронтах, в медсанбатах и госпиталях воювали: ректор **Василий Абрамович Батанов**, профессора **Гавриил Георгиевич Дубинкин** (ведущий хирург 20-й и 22-й армий Западного фронта, ведущий хирург эвакуационного госпиталя),

Михаил Захарович Попов (главный офтальмолог 3-го Белорусского фронта), **Григорий Сергеевич Марголин** (старший инспектор фронтового эвакуационного пункта № 77);

доценты **В.Г. Молотков** (главный патологоанатом Западного и Третьего Белорусского фронтов),

Кирилл Константинович Комешко (начальник эвакуационного госпиталя), ассистенты **Григорий Михайлович Стариков** (начальник ЛОР-отделения специализированного ФЭГ),

Михаил Ульянович Стунжас (хирург, начальник 2-го отделения ППГ № 159 гвардейского стрелкового полка), преподаватели **Иван Павлович Баловнев** (майор медицинской службы, начальник госпиталя),

Владимир Афанасьевич Емельянов (майор медицинской службы, главный хирург 65-й Смоленской стрелковой дивизии, затем главный хирург 3-го партизанского корпуса в Боснии, главный хирург 2-й Югославской армии),

Филипп Трофимович Иванов (ведущий хирург фронтовых госпиталей),

Ефим Вуколович Курликов (майор медицинской службы, начальник приемно-сортировочного отделения госпиталя легкораненых № 2368).

И после освобождения от немецких захватчиков Смоленщина не потеряла свое значение как часть военно-медицинской службы. В ноябре 1943 года началась передислокация сюда 15 госпиталей из Торжка и Калинина, общей емкостью 10500 коек. Руководил работой подполковник медицинской службы **Василий Михайлович Банщиков**. К концу 1943 года во фронтовых госпиталях Смоленской группы было развернуто 16000 койко-мест.

Профиль госпиталей Смоленской группы позволял обеспечить квалифицированной и специализированной медицинской помощью раненых и больных с различными ранениями и заболеваниями, в том числе тяжело раненых с проникающими повреждениями черепа, ранениями челюстей, ЛОР-органов, глаз, позвоночника.

Большинство госпиталей было оборудовано рентгеновскими кабинетами, во многих были физиотерапевтические отделения. Пропускная способность дезинфекционных камер составляла до 4000 человек в сутки. В приспособленных помещениях было установлено для обогрева более 1000 печей. Ежедневно в прачечных госпиталей стирали почти 3500 килограммов белья. На весь холодный сезон был запас топлива, было организовано снабжение овощами.

В складских помещениях Смоленского лыкомбината был организован эвакуационный пункт санитарного эвакуационного госпиталя № 1316. Позднее сам госпиталь разместился на трех этажах здания. В конце 1943 года при СЭГ № 1316 был открыт санпропускник, обеспечивавший тщательную медицинскую сортировку, обработку, осуществление хирургической помощи с последующей отправкой пациентов в специализированные госпитали.

И, конечно, значимой страницей стало образование в ноябре 1943 года Смоленской областной клинической больницы для оказания квалифицированной медицинской помощи населению. Первым главным врачом СОКБ была назначена врач-хирург **С.Е. Альшеевская**, ее заместителем по поликлинике стала **А.И. Дейтер**. Штат больницы и поликлиники был укомплектован медицинскими работниками, вернувшимися в город. Тогда все подразделения СОКБ располагались в одном здании (причем ремонт его осуществлялся в том числе и силами медицинского персонала), а главному врачу и его сотрудникам пришлось буквально с нуля организовывать стационарную и амбулаторную медицинскую помощь жителям освобожденной от врага Смоленщины. Медицинского оборудования практически не было. Однако уже в те далекие, тяжелейшие военные и послевоенные годы сформировался высокий авторитет больницы – авторитет, завоеванный ценой самоотверженного труда врачей, медицинских сестер, всего персонала.

Нынешние сотрудники СОКБ бережно хранят память о тех, кто стоял у истоков создания учреждения, о своих коллегах – военных медиках, с чьей помощью выполняли долг на фронтах и в тылу.

Автор выражает огромную благодарность главному врачу **Евгению Ивановичу Каманину** и врачам больницы, оказавшим значительную помощь в поиске информации для этого материала.

ПАМЯТЬ, ПОДКРЕПЛЕННАЯ ДЕЛАМИ

В 2009 году по инициативе директора музея-заповедника «Хмелита» **В.Е. Кулакова** у села Богородицкого в Вяземском районе был торжественно открыт Мемориал памяти воинов Западного и Резервного фронтов «Богородицкое поле». Здесь расположены Аллея памяти, где на черных гранитных стелах указаны номера армий и дивизий, попавших в 1941 году в окружение под Вязмой, и братские могилы воинов, погибших в этих местах. Каждый год благодаря усилиям поисковиков проходят новые захоронения останков солдат. К сожалению, большинство имен их так и останется неизвестными: из 2042 захороненных установлено по именам всего 168 человек.

Составной частью мемориала стал одноименный музей, начавший свою работу 1 января 2013 года. Руководителем музея был назначен уже знакомый нам **Игорь Геннадьевич Михайлов** (на снимке слева). Обширная экспозиция, созданная сотрудниками при помощи членов поисковых отрядов, рассказывает о героическом прорыве наших войск из окружения в октябре 1941 года. И уверена, что побывать здесь должен каждый житель Смоленщины, особенно молодежь – в найденных поисковиками экспонатах, во вдохновенных рассказах экскурсоводов открывается неприкрытая трагическая правда первых месяцев войны, когда несметным ордам захватчиков противостояли только героизм и самопожертвование солдат и офицеров Красной армии.

А меня на Богородицкое поле привез **Владимир Александрович Поросун** (на снимке справа), врач-нейрохирург Клинической больницы скорой медицинской помощи. Для него, часто бывавшего в школьные годы в Вяземском рай-

С тех пор посещение мемориала стало для нас традицией – каждый год 9 мая и 25 сентября мы приезжаем сюда, чтобы почтить память павших героев. Мы привозим цветы, высаживаем красивые бегонии на захоронениях, число которых растет.

Ну а потом случилось так... Несколько лет назад мы побывали в музее поискового движения «Долг» в Вязьме. Оттуда я привез буклет с фотографиями мемориала, где были также напечатаны замечательные стихи одного из участников поискового отряда. Они произвели на меня такое впечатление, что у меня появилось желание изготовить стелу с этими стихами и установить ее на «Поле памяти».

Они под Вязмой полегли,
А сколько точно – кто же знает?
Стояли на смерть, как могила,
Москву собою заслоняя.

В кровавом Вяземском котле
Той осенью, в том сорок первом,
Не оставалась на земле
От взрывов мест живых, наверно.

Им вышла страшная судьба –
Лежать и зарастать травой,
Была неслышна их моляба,
Ведь окружцы – не герои.

И до сих пор, и до сих пор
Мы каждый год в лесах находим
Бойцов, дострелянных в упор,
И всё хороним, всё хороним...

И русская берет тоска
От боли этой, как от хмели...
Простите, братцы, что пока
Не всех мы вас найти сумели.

оне (а было это спустя два десятка лет после окончания войны), места здесь знакомые – и особые.

Он вспоминает: «Будучи детьми, мы с друзьями решили пройти по берегам реки Бебры от трассы М-1 под Вязмой. В районе деревни Пекарево у реки на поле стояло несколько «эмков», корпуса которых были пробиты осколками и пулями, чуть дальше виднелись танковые гусеницы. По старой военной дороге мы вошли в лес, где лежали штабеля снарядов, были видны ряды окопов с натянутой впереди колючей проволокой. В то время многотысячные людские потери под Вязмой замалчивались, но, видя всё это, мы понимали, какое огромное количество людей погибло на этой земле. Проходили мы и через деревню Пекарево, где во время войны были заживо сожжены местные жители. Всё это оставило неизгладимый след в моей душе».

А спустя годы отец рассказал мне об открытии мемориала «Поле памяти» – для него, прошедшего войну, пережившего гибель многих однополчан, это было знакомым событием. И мы с друзьями решили приехать сюда. Тогда здесь было всего два или три братских захоронения. Местные жители рассказали нам, что в бывшем барском парке есть захоронение 1943 года с мемориальным камнем. Парк в то время был заросший, трава поднималась в рост человека, и каждый раз нам с трудом удавалось дойти до этого места. Сейчас всё здесь приведено в порядок.

И желание это Владимир Александрович претворил в жизнь – в прошлом году стела была изготовлена и установлена неподалеку от захоронения 1943 года:

«Я искренне благодарен всем, кто принимал участие в изготовлении и установке этой стелы. Особые слова благодарности – директору и сотрудникам музея-заповедника «Хмелита» за бережное отношение к памяти павших героев. И моя самая горячая признательность Игорю Геннадьевичу Михайлову за то, что он и его коллеги стараются обустроить территорию мемориала и парка, развивать музей и привлекать сюда людей не только со Смоленщины, но и из других регионов. А еще мне бы хотелось, чтобы на мемориал и в музей «Богородицкое поле» приезжало как можно больше молодежи. Здесь они смогут прочувствовать весь трагизм той страшной войны и всю меру мужества и любви к своей стране ее защитников. Ведь очень важно, чтобы память о самоотверженности и героизме нашего народа сохранялась в веках».

Пожалуй, вот она – преемственность поколений: медики военных лет боролись за жизнь бойцов, а медики сегодняшнего времени стремятся сохранить память о героях. Спасибо Вам за это, Владимир Александрович! И пусть как можно больше людей прочтут увековеченные Вами строки и вспомнят обо всех известных и безымянных защитниках Отечества, отдавших жизнь за свободу нашей страны!

Ольга КОЛЫШКИНА